

В прошлом месяце минуло 50 лет, как ушел из жизни большой русский поэт Алексей Тимофеевич Прасолов. Географически его родина — юг Воронежского края, грань России и Украины. Исторически — Воронежская Слобожанщина. Славянская «земля моя, я весь — отсюда».

Газетная работа приучила Алексея Тимофеевича к точности. Прасолов в своих воспоминаниях о встрече с великим русским поэтом Александром Трифоновичем Твардовским по, скорее всего, профессиональной привычке отметил дату: 3 сентября 1964 года, в два часа...

Москва. Пушкинская площадь. Редакция журнала «Новый мир». В кабинете редактора Прасолов непроизвольно произнес:

— Прежде всего, спасибо за то, что я здесь стою...

«Опускаясь в кресло, Александр Трифонович понимающе кивнул и, сразу же придав моему последнему слову более простой смысл, ответил:

— А вы... садитесь!

Все стало на свое место — я почувствовал Твардовского!»

К этому разговору нужны пояснения. В столицу Алексей Тимофеевич приехал не просто из Воронежа — из тюремной трудовой колонии. Попал он туда хоть и за нарушение закона, но по нелепому стечению обстоятельств. Вышел же на свободу досрочно по депутатскому ходатайству Твардовского.

Случилась эта встреча благодаря литературоведу-критику Инне Ивановне Ростовцевой, с которой переписывался Прасолов и доверял ей «судить» его стихи. С его согласия она «закинула» рукопись стихов Прасолова не в редакцию журнала, а домой Твардовскому. «Расчет мой был прост — заглянув в рукопись, Александр Трифонович прочтет ее до конца... Мне открыла дверь жена поэта Мария Илларионовна — сурово посмотрела на меня, но вынырнувшая откуда-то из глубин комнат младшая дочь Ольга, явно сочувствуя мне, приняла папку с рукописью, ее судьба была решена. По молодости и неопытности я не знала, что Твардовский терпеть не мог, если со стихами шли в “обход”, — и когда я через несколько дней решила ему позвонить, то он, предварительно крепко обругав меня, неожиданно смягчился и спросил: “Сколько лет поэту?” — “Тридцать четыре года”. — “Я думал, старше”. Добавил: “Кажется, талантлив”».

Десять стихотворений Александр Трифонович сразу же отобрал для публикации в журнале. Эта подборка, можно сказать, в одночасье принесла всеююзную известность Прасолову. Тогда же Твардовский помог воронежскому провинциальному поэту выпустить в Москве книжечку «Лирика» в издательстве «Молодая гвардия» (1966 год). Размером с ладонь. Шестьдесят четыре странички. Тридцать восемь стихотворений. Небольшой сборничек стихов тиражом в десять тысяч экземпляров еще при жизни Прасолова стал библиографической редкостью.

У моего земляка Александра Нестругина сложились такие строки:

Есть миф: поэтов много...
А выйди их считать...

На исходе 1970-х известный литературный критик Вадим Кожинов взялся «почитать», по его же словам, «подлинных поэтов». Он составил сборник «Страницы современной лирики». В 1980 году книга вышла в свет в издательстве «Детская литература» с примечанием «Для старшего поколения» тиражом в 75 тысяч экземпляров. В нее Вадим Валерианович вместил двенадцать, по сути, книжечек «избранного» замечательных, но малоизвестных авторов, в большинстве — из российской глубинки. Тех, кого оттеснили на задний двор в литературе тех лет иные «классики» — шумливые «эстрадники», щедро облагодетельствованные властью, которую они вскоре разом дружно и предадут.

Вот имена в предложенной составителем последовательности:

Алексей Прасолов, Николай Рубцов, Владимир Соколов, Анатолий Жигулин, Глеб Горбовский, Станислав Куняев, Анатолий Передреев, Василий Казанцев, Алексей Решетов, Олег Чухонцев, Эдуард Балашов, Юрий Кузнецов.

Каждый «сборничек» открывался биографическими сведениями о поэте. Прочитаем с необходимыми уточнениями предисловие Кожинова к стихам Прасолова.

Алексей Тимофеевич Прасолов родился 13 октября 1930 года в селе Ивановка под Россошью (Воронежская область), в крестьянской семье. Еще в его детские годы отец оставил семью, а позднее погиб на фронте Великой Отечественной войны.

(Добавим, что в боях пропал без вести и отчим, отец младшего брата Ивана. Война семью Прасоловых-Гриневых осиротила дважды. — П.Ч.)

В 1942–1943 годах родные места Алексея Прасолова оказались в оккупации, и на его долю выпало немало тяжелых испытаний. В послевоенные годы он

Алексей
Прасолов

окончил Россошанское педагогическое училище, преподавал в школе, затем перешел на газетную работу. В 1950–1960-е годы занимал разные должности — начиная с корректора — в городских и сельских газетах Воронежской области. В 1961–1964 годах работал на рудниках и стройках.

(Здесь следует уточнить, что на рудниках и стройках Прасолов не трудился. За бытовые грехи по причине болезненного пристрастия к вину Алексей Тимофеевич дважды отбывал срок в исправительно-трудовых колониях под Воронежем. Он работал библиотекарем и воспитателем среди союзников по несчастью. После помилования, свершившегося при участии поэта, редактора журнала «Новый мир», депутата Верховного Совета СССР Александра Твардовского и литературного критика Инны Ростовцевой, Алексей Прасолов вновь стал работать в журнальчике. — П.Ч.)

Писал с отроческих лет; впервые стихи были опубликованы в районной газете еще в 1949 году. Но настоящей зрелости поэт достиг лишь через полтора десятилетия.

Большую роль в творческой судьбе Алексея Прасолова сыграла критик Инна Ростовцева. В 1966 году вышли в свет две книги Алексея Прасолова — в Воронеже и в Москве.

Алексей Прасолов шел в поэзии своей совершенно особенной дорогой, продолжая традиции русской «философской» лирики.

Поэт ушел из жизни 2 февраля 1972 года в Воронеже, а ныне, через восемь лет, словно воскрес — и уже для всех нас, а не только для немногих людей, которые действительно знали и ценили его при жизни.

Из книги
«СТРАНИЦЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИРИКИ.
АЛЕКСЕЙ ПРАСОЛОВ»

ПРОЛОГ

Итак, с рождения вошло —
Мир в ощущении расколот:
От тела матери — тепло,
От рук отца — бездомный холод.

Кричу, не помнящий себя,
Меж двух начал, сурово слитых.
Что ж, разворачивай, судьба,
Новорожденной жизни свиток!

И прежде всех земных забот
Ты выставь письма косые
Своей рукой корявой — год
И имя родины — Россия.

1963

* * *

Ты в поисках особенных мгновений
Исколесил дорогу не одну,
По вспышкам преходящих впечатлений
Определяя время и страну.

И в каждой вспышке чудилось открытье,
Душа брала заряд на много лет.
Но дни прошли — и улеглись события
В ней, как в подшивке выцветших газет.

Ей нужно чудо, чтоб завидно вспыхнуть.
Но это чудо в людях не открыв,
Ты выдаешь испытанною рифмой
Свой мастерски наигранный порыв.

Блюдя приличье, слушают не веря.
Зевком снижают с мнимой высоты.
И все невозвратимые потери
На сложную эпоху свалишь ты.

Не утешайся логикою гибкой.
Эпоха жарко дышит у дверей,
Как роженица — с трудною улыбкой —
Насмешкой над обидою твоей.

1963

Я услышал: корявое дерево пело,
Мчалась туч торопливая темная сила
И закат, отраженный водою несмело,
На воде и на небе могуче гасила.

И оттуда, где меркли и краски, и звуки,
Где коробились дальние крыши селенья,
Где дымки — как простертые в ужасе руки,
Надвигалось понятное сердцу мгновенье.

И ударило ветром, тяжелою массой,
И меня обернуло упрямо за плечи,
Словно хаос небес и земли подымался,
Лишь затем, чтоб увидеть лицо человеچه.

1965

* * *

Ты отгремела много лет назад.
Но, дав отсрочку тысячам смертей,
Теперь листаешь календарь утрат,
В котором числа скрыты от людей.

Убавят раны счет живым годам,
Сомкнется кругом скорбная семья,
И жертва запоздалая твоя
Уходит к тем, что без отсрочки — там.

И может быть, поймут еще не все
У обелиска, где суглинок свеж,
Как он глубоко в мирной полосе,
Твой самый тихий гибельный рубеж.

1965

ПАМЯТИ ВЕРЫ ОПЕНЬКО

Я не слышал высокой скорби труб,
И тот, кто весть случайно обронил,
Был хроникально холоден и скуп,
Как будто прожил век среди могил.
Но был он прав. Мы обостренней помним
Часы утрат, когда, в пути спеша,
О свежий холмик с именем знакомым
Споткнется неожиданно душа.

Я принял весть и медленно вступил
Туда, где нет слезливых слов и лиц,
Где токи всех моих смятенных сил
В одно сознание резкое слились.

И, может, было просветленье это,
Дошедшее ко мне сквозь много дней,
Преественно разгаданным заветом —
Лучом последней ясности твоей.

Как эта ясность мне была близка
И глубиной и силой молодой!
Я каждый раз ее в тебе искал,
Не затемняя близостью иной.
Размашисто, неровно и незрело
Примеривал я к миру жизнь мою.
Ты знала в нем разумные пределы
И беспредельность — ту, где я стою.

А я стою средь голосов земли.
Морозный месяц красен и велик.
Ночной гудок ли высится вдали?
Или пространства обнаженный крик?
Мне кажется, сама земля не хочет
Законов, утвердившихся на ней:
Ее томит неотвратимость ночи
В коротких судьбах всех ее детей.

1963

* * *

Мать наклонилась, но век не коснулась,
Этому, видно, еще не пора.
Сердце, ты в час мой воскресный проснулось —
Нет нам сегодня, нет нам вчера.
Есть только свет — упоительно-щедрый,
Есть глубиной источаемый свет,
Незащищенно колеблясь без ветра,
Он говорит нам: безветрия нет.

Мать, это сходятся в сердце и в доме
Неразделимые прежде и вновь,
Видишь на свет — в темножилой ладони
Чутко и розово движется кровь.

Видишь ли даль, где играют, стремятся,
Бьются о стены и бьют через край,
Реют, в извилинах темных змеятся
Мысли людские... Дай руку. Прощай.

1969

* * *

Еще метет во мне метель,
Взбивает смертную постель
И причисляет к трупу труп, —

То воем обгорелых труб,
То шорохом бескровных губ
Та давняя метель.

Свозили немцев поутру.
Лежачий строй — как на смотре,
И чтобы каждый видеть мог,
Как много пройдено земель,
Сверкают гвозди их сапог,
Упертых в белую метель.

А ты, враждебный им, глядел
На руки талые вдоль тел.
И в тот уже беззлобный миг
Не в покаянии притих,
Но мертвой переклички их
Нарушить не хотел.

Какую боль, какую месть
Ты нес в себе в те дни! Но здесь —
Задумался о чем-то ты
В суровой гордости своей,
Как будто мало было ей
Одной победной правоты.

1967

* * *

Лес расступится — и дрогнет,
Поезд — тенью на откосах,
Длинно вытянутый грохот
На сверкающих колесах.

Раскатившаяся тяжесть,
Мерный стук на стыках стали
Но, от грохота качаясь,
Птицы песен не прервали.

Прокатилось, утихая,
И над пропастью оврага
Только вкрадчивость глухая
Человеческого шага.

Корни выползли ужами,
Каждый вытянут и жилист,
И звериными ушами
Листья все насторожились.

В заколдованную небыль
Птица канула немая,
И ногой примятый стебель
Страх тихонько поднимает.

1966

Я хочу, чтобы ты увидала:
 За горой, вдалеке, на краю
 Солнце сплющилось, как от удара
 О вечернюю землю мою.

И как будто не в силах проститься,
 Будто солнцу возврата уж нет,
 Надо мной безымянная птица
 Ловит крыльями тающий свет.

Отзвенит — и в траву на излете,
 Там, где гнезда от давних копыт.
 Сердца птичьего в тонкой дремоте
 День, пропетый насквозь, не томит.

И роднит нас одна ненасытность —
 Та двойная знакомая страсть,
 Что отчаянно кинет в зенит нас
 И вернет — чтоб к травинкам припасть.

1965

Вадим Валерианович Кожин — кстати, ровесник моего земляка — вместе с Инной Ивановной Ростовцевой в Москве продолжали открывать широкому читателю творческое наследие Прасолова. В 1976 году, а затем в 1983-м в издательстве «Советская Россия» выходят сборники «Стихотворения». Во вступительном слове ко второй книге Кожин отмечал: «Пять лет назад впервые был издан сборник стихотворений Алексея Прасолова, достаточно полно представивший творчество этого замечательного поэта. В то время Алексей Прасолов не имел сколько-нибудь широкого и прочного признания — даже в литературной среде. Ныне же имя его звучит весьма призывно, оно почти неизбежно возникает в любом серьезном разговоре о русской поэзии последних десятилетий».

Известный писатель-литературовед, собиравший в ту пору материалы для одного из главных своих трудов — современного взгляда на историю Руси, России и русского слова, — успевал, оказалось, следить за текущей литературой, издававшейся в провинции. В октябре 1981 года я неожиданно получил письмо от Вадима Валериановича с благодарностью «за Вашу книгу — с большим интересом и сочувствием ее читаю». Писал он о моем воронежском сборнике прозы, в котором было опубликовано и повествование о Прасолове «Перед осенними зорями». Далее он высказал «практическую благодарность». Посоветовал внимательнее изучить «только что изданную в Воронеже книгу выдающейся подвижницы археологии Анны Николаевны Москаленко «Славяне на Дону»». Эта книга «приоткрывает тысячелетний занавес, заслонявший события одной из величайших исторических драм, пережитых русским народом, — хазарское иго и его падение (VIII — X века). Притом речь идет о событиях в Ваших (и Алексея Прасолова) родных местах».

Помимо работы Москаленко, Кожин советовал мне прочитать труды историков С.А. Плетневой и Л.Н. Гумилева.

Алексей Прасолов

«Если Вы всерьез вдумаетесь в эти работы — они поразят, даже потрясут Ваше сознание. А книга А.Н. Москаленко покажет Вам, что один из пожаров полыхал именно вокруг Россоси: в середине десятого века русские вынуждены были уйти отсюда с Дона и вернуться сюда только через несколько веков.

Задача русского писателя состоит сейчас, как мне кажется, в том, чтобы взглядеться всей силой своего духа в свое родное гнездо и прозреть в нем всю даль — и ширь, и глубину — Истории».

Эту «даль» литературовед и историк видел в поэзии Прасолова.

Слово Алексея Прасолова было близко и дорого писателю Виктору Астафьеву. Встретились они в Москве на Высших литературных курсах. Переписывались. Если письма Алексея Тимофеевича сохранились и обнаружены, то ответные письма Виктора Петровича пока не обнаружены. Недавно мне подсказали ознакомиться с изданной в Иркутске в 2009 году книгой «Виктор Астафьев. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник. 1952–2001» (составитель — Геннадий Константинович Сапронов). Там я и отыскал обстоятельные размышления писателя о поэзии Прасолова в письме известному воронежскому литературоведу и критику А.М. Абрамову.

*«15 октября 1980 г.
Красноярск*

Дорогой Анатолий Михайлович!!

Письмо Ваше нашло меня в родной Сибири, в родном селе, посреди осенних дел в огороде, который я, к ужасу моих теток и родичей, превращаю в лес, как я делал и всюду, где жил, а они же садили помидоры, картошки!

Отвечаю сразу, ибо все лето после переезда болел и нигде не бывал, вот и хочу, пусть и осенью, съездить на юг края к друзьям-детдомовцам в Абакан и к моему однополчанину — великому воину-разведчику Ивану Исаеву.

Переезды в нашем возрасте — дело трудное и сложное, было бы еще труднее, если бы не родное село. Городская квартира пока мне совершенно чужая. И в город я езжу по нужде и неохотно.

Но здесь и климат, и многое действует на меня умиротворяюще, лучше стало с легкими, голова меньше болит, и суеты пока меньше, и многолюдства пока удается избежать. Все еще вплотную не работаю, однако зимой думаю сесть за стол.

Сегодня 15-е. До 30-го письмо мое дойдет, поэтому лучше в письме несколько слов, а телеграммы, справки и автографы — не мой жанр.

Алеша Прасолов, его стихи поразили меня с первого раза своей глубиной. Но о глубине я к той поре уже насыщался вдосталь, только что кончил Высшие лит. курсы, пошатался по комнатам Литинститута, да и в книгах, как тех лет, так и нынешних, почти как пропуск в предисловии слово “глубина”, но никогда не пишут слова — “неотгаданная”.

Я думаю, и Лермонтов, а прежде всего “всем доступный” Есенин, как раз и притягивают, до стога и слез волнуют тем, что затрагиваются в нас до того, что ныло, болело, светилось внутри нас и что ноет, болит и светится внутри нас. И дано им было каким-то наитием, каким-то неведомым чувством коснуться того, что именуется высоко и справедливо — волшебством поэзии. Только ей да еще музыке и дано растревожить в нас самих нам непонятное и никем еще не понятое и не объясненное (слава богу!) чувство, в котором тоска по прекрасному, по лучшей своей и человеческой доле, мечты о всепрощении, желание любви и братства, и еще, и еще чего-то как бы приближаются к тебе, делаются осязаемей, — недаром от музыки и поэзии плачут. Это плачут люди о себе, о лучшем в себе, о том, который задуман природой и где-то осуществлен даже, но самим собою подавлен, самим собою побужден ко злу и малодоступен добру.

Алеша Прасолов не прочитан нашим дорогим широким читателем и не может быть прочитан, он не кричит о времени, он заглянул в него и, как Лермонтов, содрогнулся от того, что ему открылось. Это заблуждение, что он говорит об обыкновенном и обыкновенными словами. Коля Рубцов тоже обыкновенен — на первый, поверхностный взгляд, а вся поэзия его проникнута предчувствием смерти. Своей! И это страшно. И это пугает своей избранностью, и мы невольно и смущенно толкуем его вкривь и вкось, только чтобы самим — Боже упаси! — не заразиться тягой поэта к загробным и предсмертным чувствам. Всем не хочется умирать, и тем мы живы, потому и хитрим с самими собой прежде всего, играем в телевизионные куклы, в радиугадайки, в тью-тью с жизнью, а в это время над головой летают самолеты с боеголовками, варначат так называемые космонавты в погонах, сытые и, как было во веки веков, толстодумные генералы нацеливают друг на друга ракеты и, жуя казенную пайку, подсчитывают, сколько одной ракетой сметут с земли супротивников, а супротивниками стали все, ибо при современном оружии нет ни белых, ни цветных, ни маленьких, ни больших, ни границ, ни пространств, ни социальных систем, ни кастовых разделений.

Вот тут-то и вся закавыка.

Коля Рубцов предчувствовал свою только смерть, и где-то жило в нем тоскливое предчувствие угасания Родины — России. Оно у него с годами все явственней и заунывней звучало, ибо он видел и ощущал, как оголяется, пустеет Вологодчина и как вместе с ним запиваются и дичают на городских просторах вчерашние крестьяне, деревенские устои и семьи, прежде всего, распадаются под натиском малагабаритного городского “рая”.

У Прасолова все это от частной судьбы прорастает в общечеловеческие масштабы, и предчувствие трагедии во всем такое, что нашим мелким душам и копеечному, обархалившемуся обществу страшнее всего читать, а тем более, пущать в себя такое. Люди, как на пожаре, тянут барахло, машины, дачи, участки, бьют животных, жгут и покоряют пространства, торопятся, лезут друг на дружку, затапывают родителей, детей, отметают в хламе старые морали, продают иконы и кресты. А тут является человек и спокойно спрашивает: “А зачем это?” — и толкует о

счастье самопознания, о душевном укреплении, о мысли, как наиболее ценном из того, что доступно человеку, что создало его — человека, и что он должен материализовать в улучшении себя и будущих поколений, а не в приобретении «Жигулей» и теплого одеяла — для этого никакой мысли не надо, для этого довольно двух хватающих рук. И литература наша вполне удовлетворяет “духовные запросы” потребителя, делает это с нарастающим успехом, что от нее и требуется на данном этапе. Выдающийся поэт редко бывал современен. Несовременен и Прасолов, но современны его ощущения и предчувствия, к сожалению, в слове его далеко не реализованные. Участь выдающихся поэтов России разделил он: преждевременная смерть — это не только рок, но и закономерность жизни — чтобы не смущал нас своим высоким светом, не тревожил своей мыслью и словом, нам достаточно и лампочки Ильича, а если семилинейная лампа или горнушка с нефтью в землянках засветится в конце нашего пути — и этим обойдемся, только чтоб сыто и спокойно было. Мы, и только мы, убиваем своих поэтов, как цветные выбивали белых, а белые цветных — пусть не портят нам цвет кожи! Пусть создадут себе отдельную землю “поэтов” и живут там. И поют там. Мы не готовы к восприятию высокого слова, высоких чувств и трагедий — поэты всегда рождаются “рано”. И Прасолов родился “рано” и ушел “не вовремя”. Не будем отгадывать его судьбу, поучимся постигнуть его слово, постигнуть и понять себя и время! Пока не поздно!

Обнимаю, Виктор Петрович».

Поучимся постигнуть слово Алексея Прасолова, постигнуть и понять себя и время...

